

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Мирвода Татьяна Александровна

**ПОЭТИКА СОВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО “СТРАШНОГО” РАССКАЗА
В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Специальность 10.01.09 – Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА – 2020

Работа выполнена на кафедре русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Алпатов Сергей Викторович**
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Строганов Михаил Викторович**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и славянского искусствоведения
Института славянской культуры
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им.
А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»

Трахтенберг Лев Аркадьевич
доктор филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы
филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

Райкова Ирина Николаевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русской литературы, заместитель
директора по научной работе Института гуманитарных наук
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический
университет»

Защита диссертации состоится «2» апреля 2020 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.05 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991 г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учебный корпус.

E-mail: runt-msu@yandex.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д.27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <http://istina.msu.ru/dissertations//276908474/>

Автореферат разослан «25» февраля 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящее время традиция детского “страшного” рассказа переживает очевидный ренессанс, связанный с перенесением в коммуникативное пространство сети Интернет сюжетов и образов, а также поэтических приемов организации повествования, изначально присущих устным нарративам. В свою очередь, гипертекстовые и мультимедийные параметры бытования “страшного” фольклора в Интернете, а также его взаимодействие с такими жанрами массовой культуры, как «триллер», «хоррор» и «крипипаста», определяют необходимость изучения современных форм устной и сетевой традиции “страшных” рассказов.

Объектом настоящего исследования является современный детский “страшный” фольклор в устном и сетевом вариантах бытования традиции, а **предметом** – поэтические механизмы воплощения «страшного» в детских нарративах и смежных ритуально-игровых формах.

Актуальность исследования определяется необходимостью:

- пересмотра сложившихся в фольклористике концепций и методов изучения современного детского “страшного” фольклора в свете новых форм бытования исследуемых жанров и текстов;
- систематизации и терминологически четкого определения форм и жанров устного детского “страшного” повествовательного фольклора, уже более полувека известных исследователям;
- описания, типологизации и определения новых форм “страшного” сетевого фольклора;
- исследования связей между устной и сетевой традициями детского “страшного” повествования и шире – детского мифотворчества.

Целью исследования является систематизированное описание и функциональное определение видов и жанров современного детского “страшного” фольклора, бытующего как в устной форме, так и в Интернете,

выявление уникальных и преемственных черт поэтики сетевой традиции детского “страшного” повествования в общем контексте “страшного” интернет-фольклора и крипипасты.

Сформулированные цели определяют постановку следующих **задач**:

- очертить историю изучения детских страшных историй и вызываний, выявить проблемные и перспективные области исследования;

- охарактеризовать жанры современного детского “страшного” фольклора: страшилки, антистрашилки, пугалки, крипипасты, инструкции для вызываний;

- определить место детского “страшного” фольклора в общем контексте современного фольклора и “страшного” фольклора Сети;

- охарактеризовать традиционные и новые черты поэтики сетевой традиции детских “страшных” рассказов.

Для достижения поставленной цели и решения сформулированных задач были использованы типологический и сравнительно-исторический **методы** исследования, а также методики исследования межкультурных контактов.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили труды отечественных и зарубежных ученых, преимущественно фольклористов, но также литературоведов, лингвистов, педагогов, антропологов, социологов, психологов и культурологов: Г.С. Виноградова, С.Ю. Неклюдова, М.П. Чередниковой, С.М. Лойтер, М.В. Осориной, М.Н. Мельникова, М.А. Мухлынина, Т.В. Зуевой, О.Ю. Трыковой, В.А. Шевцова, И.Н. Райковой, В.Ф. Лурье, М.Л. Лурье, А.Ф. Белоусова, А.Л. Топоркова, Е.Е. Левкиевской, А.С. Мутиной, С.Б. Борисова, М.Д. Алексеевского, Ф.С. Капицы и Т.М. Колядич.

Научная новизна работы определяется привлечением к исследованию значительного корпуса малоизученных источников сетевого “страшного” фольклора, что в свою очередь обеспечивает верифицируемость выводов, полученных в ходе сопоставительного анализа устного и сетевого вариантов традиции.

Достоверность полученных результатов обеспечивается значительным объемом анализируемого материала, широкой теоретической базой и структурированной аргументацией, а также данными включенного наблюдения и экспериментального анкетирования, проведенных автором диссертации.

Теоретическая значимость диссертации заключается в систематическом описании и сопоставительном анализе устной и сетевой традиции детских “страшных” рассказов в контексте фундаментальных наработок современной отечественной и зарубежной фольклористики.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования материалов и выводов диссертации при построении указателей и баз данных по детскому “страшному” фольклору, а также при подготовке общих курсов по истории фольклористики и спецкурсов по современному городскому фольклору.

На защиту выносятся следующие положения:

– детский “страшный” фольклор – особая область современного фольклора, возникающая на пересечении нарративного, игрового, обрядового и смехового функционально-семантических сегментов детского творчества;

– жанровый спектр детских “страшных” нарративов включает страшилки, пугалки, рассказы о вызываниях, былички, слухи и толки, а также пародийные формы – антистрашилки и антипугалки;

– детские магические вызывания являются ритуально-игровым эквивалентом “страшных” рассказов, в связи с чем оказывается необходимым как различать вызывания и порождаемые ими нарративы, так и прослеживать общие элементы и механизмы их поэтической структуры;

– традиция детского “страшного” повествования не уходит в небытие, а перемещается в Интернет, приспособляясь к динамично меняющейся цифровой реальности и встраиваясь в более обширную сетевую категорию “страшного” – крипипасту;

– явление крипипасты, происходящее из англоязычного сегмента Всемирной паутины и основанное на западных городских легендах и цепных письмах “счастья”, при переводе и в процессе бытовании вбирает в себя поэтические компоненты и жанровые формы русского устного детского “страшного” повествовательного фольклора, трансформируя их с учётом современных реалий.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены и обсуждены на заседании кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и на научных конференциях «Ломоносовские чтения» (МГУ 2016, 2017, 2018), «Славянский мир: общность и многообразие» (Инслав РАН 2016, 2017), «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» (ЕУСПб 2017) и «Фольклористика и культурная антропология сегодня» (РГГУ 2018). По теме диссертации было опубликовано 7 статей.

Структура диссертации определяется поставленными задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии, включающей 257 наименований исследовательской литературы и 284 источника исследуемого и анализируемого материала на русском, польском и английском языках. Объём текста диссертации составляет 280 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** очерчивается предметное поле исследования, определяется изучаемый материал, ставятся цели и задачи работы, характеризуется теоретическая база и методы диссертационного исследования, аргументируются его актуальность и научная новизна, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы, описывается ее структура, формулируются выносимые на защиту положения, даётся оценка достоверности полученных результатов исследования, указываются формы их апробации.

В главе 1, «Детский “страшный” повествовательный фольклор и детские вызывания с 1960-ых гг. по настоящее время», исследуются вопросы происхождения традиции детских “страшных” рассказов и вызываний, анализируется их современное состояние, уточняются жанровые характеристики исследуемых явлений, описываются характерные особенности поэтики.

В параграфе 1.1, «Детский “страшный” повествовательный фольклор», представлен очерк истории изучения детских “страшных” рассказов, охарактеризованы взгляды ведущих собирателей и исследователей жанра (М.В. Осориной, О.Н. Гречиной, М.П. Чередниковой, С.М. Лойтер, О.Ю. Трыковой, Т.В. Зуевой, В.А. Шевцова) на вопросы происхождения традиции детского “страшного” повествовательного фольклора. Указывается, что, помимо особенностей возрастной психологии и коммуникации, почвой для возникновения страшных нарративов стали традиционные былички и сказки, а также городские легенды, из которых заимствованы персонажи, мотивы и художественные приёмы. На формирование более поздних вариантов существенное влияние также оказали литература, кино и телевидение. М.В. Осорина¹, Ф.С. Капица и Т.М. Колядич², В.А. Коршунков³ и Е.Е. Левкиевская⁴, на основании упоминаний детских страшных историй в художественной и мемуарной литературе, прослеживают истоки возникновения данной традиции с начала XIX в. Г.И. Мамонтова⁵ же, М.Н. Мельников⁶, М.Ю. Кузьмина⁷, А.Ф.

---

¹ Осорина М.В. «Чёрная простыня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание – сила. 1986. №10. С.43.

² Капица Ф.С, Колядич Т.М. Русский детский фольклор. М., 2002. Гл. 6.

³ Коршунков В.А. Современные детские анекдоты, страшилки и садистские стишки Вятского края // Энциклопедия земли Вятской. Т. 8. 1998. С. 592.

⁴ Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня. М., 2008. С. 341–363; Левкиевская Е.Е. Мифологическая система детских страшилок в сравнении с традиционной мифологией // Детский фольклор и культура детства: Материалы научной конференции «XIII Виноградовские чтения». СПб., 2006. С. 24–34; Левкиевская Е.Е. Страх смерти в детской страшилке в сравнении с традиционной мифологией // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008. С. 111–122.

⁵ Мамонтова Г.И. Культурно–исторические и психологические основы жанра страшилок // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1981. С. 55–62.

⁶ Мельников М.Н. Русский детский фольклор. М., 1987. С. 77.

⁷ Кузьмина М.Ю. Страшное в сказках К. Чуковского // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1995. С. 57–69; Кузьмина М.Ю. Детский «страшный» фольклор в сказке К. Чуковского «Крокодил» // Мир детства и традиционная культура: Сб. научных трудов и материалов. Вып. 2. М., 1996. С. 113–138.

Белоусов и Е.В. Кулешов⁸ датируют возникновение традиции началом либо серединой XX в.

В качестве основных функций “страшных” рассказов называются вербализация страхов ребенка как средство психологической борьбы с ними, манифестация детского мифологического мировосприятия, а также коммуникативная (социализирующая) и развлекательно-игровая функции.

Сфера «детского “страшного” повествовательного фольклора» (термин В.А. Шевцова⁹) формируется на пересечении функциональных областей «бытового» и «обрядового», «нарративного» и «игрового», «страшного» и «смехового» детского творчества. В связи с чем возникает необходимость жанровой классификации системы детского “страшного” повествовательного фольклора (ДСПФ), представленной в диссертации в виде следующей таблицы:

Таблица 1. Система жанров ДСПФ

Область	Жанры	Жанровые разновидности
Детский “страшный” повествовательный фольклор	Страшилка	“Классические” страшилки
		Детские слухи и толки
		«Странные» и «страшные» фабулаты
		Страшилки с персонажами и / или ситуацией вызывания
		Страшилки-пугалки
		Страшилки-сказки
		Страшилки-были
		Страшилки-былички
	Детская быличка	
	Рассказ о вызывании	
	Пугалка	“Классические” пугалки
		Страшилки-пугалки
	Антистрашилка	Антистрашилки-страшилки
		Собственно антистрашилки
		Реалистические антистрашилки
	Антипугалка	

⁸ Белоусов А.Ф., Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения. СПб., 2005. С. 230.

⁹ Шевцов В.А. Страшный детский повествовательный фольклор: жанры и тексты // Детский фольклор и культура детства: материалы научной конференции «XIII Виноградские чтения». СПб., 2006. С. 43–64.

Выявленное многообразие жанровых разновидностей ДСПФ делает особенно актуальной задачу разработки указателей персонажей и сюжетов детских “страшных” рассказов. В диссертации предлагается модель указателя детского “страшного” повествовательного фольклора, в основу которого легли персонажно-функциональный принцип С.М. Лойтер и предложенный В.А. Шевцовым принцип типологизации вредителей.

В особом разделе рассматриваются особенности поэтики разных жанров детского “страшного” повествовательного фольклора: мотивы двоемирия, перемещения героя из пространства «дома» в «иной» мир, нарушения запрета и наказания-смерти; анализируется предметный мир “страшных” рассказов, а также функции цветowych эпитетов (выделение носителя зла, символ трагической развязки, усиление эффекта внезапности, нагнетание мрачной атмосферы, способ проявления иронии), прослеживается эволюция ключевых персонажей (жертвы, вредители, добрые помощники) в связи с фактором взросления рассказчиков, даётся характеристика типов рассказчиков и обстановки рассказывания.

В параграфе 1.2, «**Детские магические вызывания**», излагается история изучения данного жанра детского фольклора; описываются психологические механизмы, побуждающие ребёнка к проведению вызываний и сочинению инструкций для их обряда; анализируется их хронотоп, система персонажей, предметная атрибутика, поэтика («всеобщая персонификация»¹⁰ неодушевленных вещей и предметов) и прагматика (почувствовать власть над сверхъестественным, пережить осуществление мечты¹¹); устанавливаются их связи с традиционными девичьими святочными гаданиями, спиритическими сеансами и заговорами¹². Изменения, которые переживают обряды вызываний при перемещении в Сеть, отражают высокую восприимчивость жанра к таким

---

¹⁰ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000. С.165.

¹¹ Чередникова М.П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). М., 2002. С. 73-74; Мутина А.С. Жанры современного детского фольклора на территории Удмуртии: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. С. 15.

¹² Топорков А.Л. Пиковая дама в детском фольклоре // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998. С. 15–55.

формам массовой культуры, как фильмы ужасов и компьютерные игры, а также новостная повестка СМИ и социальных сетей.

В ходе анализа «обряды вызываний» отграничиваются от «рассказов о вызываниях» – мифологизированных нарративов, описывающих процесс вызывания и связанные с ним пугающие происшествия, а также от «инструкций для вызываний» – руководств по вызову духов, регламентирующих способы общения с ними и отразивших детские представления о потустороннем мире и вызываемом существе.

В главе 2, «**Детский “страшный” фольклор в Интернете и “страшный” интернет-фольклор**», исследуется бытование в сети Интернет произведений детского “страшного” повествовательного фольклора, а также нарративов, связанных с традицией детских магических вызываний; декларируются принципы их выделения в общем корпусе “страшного” фольклора Интернета и крипипасты; прослеживаются генетические связи и факторы формирования названных явлений, описываются межжанровые взаимодействия; в сравнении с устной традицией детских “страшных” рассказов выявляются преемственные и уникальные черты поэтики сетевого “страшного” фольклора.

В параграфе 2.1, «**“Страшный” фольклор в Интернете**», рассматриваются проблемы разграничения “страшного” сетевого фольклора и “страшных” рассказов, привнесённых в Интернет из устной традиции, различения взрослого и детского фольклора Сети, в том числе в связи с функционированием пародий на стереотипные темы, сюжеты, образы, стилевые приемы и жанровые клише “страшного” сетевого фольклора.

К области “страшного” сетевого фольклора относятся такие разножанровые произведения интернет-фольклора, как крипипаста, смертельные файлы и спам “счастья”, а также таинственные сайты, непонятного (комбинации чисел, страшных видео, анимаций и изображений в мрачном оформлении без каких-либо подписей), либо пугающего (предсказание даты смерти, счётчик оставшейся жизни) назначения, жуткие

флэш-игры и страшные комиксы – при условии, что они анонимны и виртуальны по своему происхождению. Сюда же относятся и возникшие в Сети пародии на эти жанры и формы.

В особом разделе даётся систематизированная характеристика сетевых ресурсов со “страшным” фольклором (специализированных сайтов, общетематических форумов и имиджбордов, разделов на порталах более широкого профиля, групп и страниц в социальных и информационно-развлекательных сетях, каналов YouTube, профилей со статьями и заметками в онлайн-сообществах для писателей и читателей, коллективных и персональных блогов); подробно анализируются самые старые и объёмные ресурсы со страшными историями в Рунете – 4STOR.ru¹³ и Мракопедия¹⁴.

В **параграфе 2.2, «Крипипаста»**, исследуются культурные и психосоциальные предпосылки возникновения данного интернет-феномена в англоязычном сегменте Интернета, факторы его распространения в других языковых сегментах Сети, а также механизмы экспансии термина и стоящих за ним жанровых стереотипов на страшные истории фольклорного происхождения.

Крипипаста как жанр сетевой словесности обладает рядом специфических черт: функционирует и распространяется только в Интернете, где имеет определенные “ареалы обитания”, часто сопровождается пугающими и / или угнетающими изображениями или видео, обладает собственными оригинальными мотивами и сюжетами (в теле- или радиоэфир выходят странные передачи, в заброшенных домах обнаруживаются сломанные ноутбуки с пугающим содержанием, после чего начинают происходить необъяснимые вещи и пропадать обнаружившие их люди; по сети распространяются смертельные файлы, которые при попадании на персональный компьютер вызывают как поломку техники, так и гибель пользователя; герои целенаправленно выслеживают паранормальную

---

¹³ URL: <http://4stor.ru/>.

¹⁴ URL: http://mrakopedia.ru/wiki/Заглавная_страница > в 2012-ом переехал на <https://mrakopedia.org/>.

активность, собирают вырвавшиеся из-под надзора объекты Хранителей или SCP фонда и т. п.), а также сложившимся пантеоном антагонистов и клишированными приёмами нагнетания ужаса (специфические зачины и концовки; акротексты и «текстовые скримеры» типа «ОБЕРНИСЬ!!!», «ТЫ СЛЕДУЮЩИЙ!!!!» и др.).

Крипипаста как динамично развивающаяся традиция сетевого “страшного” повествования активно инкорпорирует детские страшные истории, магические вызывания и связанные с ними нарративы, былички, поверья о нечистой силе, цепные письма, городские легенды и др., а также пародии на все эти жанры. Принадлежность к фольклору данной традиции не вызывает сомнений, поскольку её произведениям также присущи анонимность авторства и коллективность создания, вариативность, интертекстуальность и встраиваемость, традиционность сюжетов и образов, стереотипность поэтических приемов, синкретизм знаковых кодов (мультимедийность), наличие определённых требований к обстановке ознакомления с ними, исполнение и публикация признанными “сказителями”.

В параграфе 2.3, «**Детский “страшный” повествовательный фольклор в Сети: традиции и новации**», даётся характеристика степени распространённости (высокая) функций (в качестве серьёзных страшных историй, чтобы посмеяться, вспомнить детство) и особенностей представления в Интернете (в общем потоке “страшного” фольклора, в отдельных разделах тематических порталов, на специализированных сайтах) произведений, пришедших в него из устной традиции и бытующих в виде копипаст из книг и фольклорных архивов, а также рассказов, воспроизведенных по памяти, и текстов, сочинённых непосредственно для публикации в Сети, бессознательно или осознанно выдержанных в соответствии с жанровыми клише детских страшных историй, сформировавшихся под влиянием крипипасты и самой виртуальной среды, представляющих модернизированные (мультимедийные и гипертекстовые) варианты традиции детского “страшного” повествовательного фольклора.

Обозначенный корпус текстов включает как новые варианты известных сюжетов, так и новые жанрово-видовые образования, возникшие в результате слияния и трансформаций вышеописанных форм “страшного” фольклора в Интернете. На данном этапе исследования мы склонны полагать, что указанные процессы характеризуют новую ступень в эволюции устной традиции, в рамках которой она пытается адаптироваться к современным условиям, обживая с этой целью новую среду обитания и используя предоставляемый ею инструментарий. Говорить же об «интернет-страшилке» как особой жанровой разновидности детского “страшного” повествовательного фольклора пока не приходится. Пока не существует параметров, позволяющих выделить в Сети какой-либо тип текстов, отчетливо противопоставленный аналогичным по поэтике и функциям произведениям современной устной традиции.

В параграфе 2.4, «Детские магические вызывания в Интернете», на материале бытующих в Сети инструкций-руководств для проведения вызываний и историй об этом описывается и анализируется сетевая традиция детских вызываний, выявляются её особенности в сравнении с аналогичной устной, устанавливаются связи между сетевыми инструкциями вызываний и крипипастой, выявляются уникальные черты поэтики текстов инструкций сетевого происхождения и осмысливается гетерогенность вызываемых по ним персонажей.

В разделе 2.4.1 рассматриваются различные способы и особенности представления в Сети материалов, связанных с детскими вызываниями (вербальные и невербальные; раздельное бытование инструкций и видеофиксаций разыгранных по ним обрядов), характеризуется их жанрово-видовое многообразие и различный генезис (относятся к трём типам дискурсов, изначально возникших на никак не связанных между собой площадках – материалы устной традиции, извлеченные из фольклорных архивов и научных публикаций, воспоминания ностальгирующих по доинтернетовскому детству посетителей форумов и произведения актуального, в основном подросткового

творчества), даётся характеристика их распространителей (как и прежде, это чаще девочки), устанавливается преемственность с устной традицией.

В разделе 2.4.2 характеризуется система персонажей, бытующих в Сети инструкций и рассказов о вызываниях, предлагается их классификация (перенятые из крипипасты, массовой культуры, современной детской несетевой мифологии и традиционной мифологии); отмечается встроенность материалов сетевых вызываний в категорию крипипасты (совместное распространение с другими её произведениями и формами, использование её персонажей), постепенно занимающую место устной детской мифологии.

В разделе 2.4.3 описываются особенности поэтики инструкций сетевого происхождения, выявляются преемственные (преимущественно та же предметная атрибутика и технологии вызываний) и уникальные (вызываются в основном опасные персонажи; чаще фигурируют колюще-режущие предметы и требуется кровь или волосы вызывающего; возможны две формы зазывания духов – устная, с помощью заклинательных фраз, и графическая – специальными надписями или рисунками) по отношению к текстам устной традиции черты.

В параграфе 2.5, «Пародии на страшные истории как составляющая крипипасты», рассматриваются различные профанирующие, карикатурные и т. п. тексты, распространяющиеся в Интернете совместно со страшными рассказами любого генезиса, как с целью их “разоблачения”, так и под их видом. Отдельно как наиболее распространённые разновидности пародий в “страшном” фольклоре Интернета описываются пародии на тексты крипипасты, а также на произведения детского “страшного” повествовательного фольклора.

В разделе 2.5.1 даётся характеристика представленных в Сети пародийных форм, распространяющихся совместно со страшными нарративами не только в качестве альтернативных текстов, но и под их видом; выделяются

наиболее распространённые их типы – собственно пародии, переделки и пародические произведения.

Собственно пародия представляет из себя новое произведение-карикатуру, в котором снижаются жанрово-стилистические особенности оригинала. Главная цель – перевернуть с ног на голову восприятие устоявшейся модели посредством шаржирования её характерных черт¹⁵.

Переделка является «уродливым двойником» оригинала, основная задача которого – сделать смешно, по минимуму исказив «высокий образец», тем самым ещё больше его дискредитировав и принизив¹⁶. Для этого используются всевозможные замены-подмены, основанные на игре слов или смыслов, обценная или скатологическая лексика и всё остальное, что может подорвать “сакральный” авторитет исходника как бы изнутри него самого.

Пародический текст – вторичное по отношению к первоисточнику произведение, не имеющее установки перевернуть восприятие или принизить оригинал с целью посмеяться, но паразитирующее на нём ()¹⁷.

Представленные в Сети пародии на страшные истории могут относиться и к категории “страшного” фольклора в Сети, и к области “страшного” сетевого фольклора – в зависимости от своего происхождения, а также происхождения произведения, жанра или стиля, которые пародируются.

Кроме того, мы склонны рассматривать размещённые в Интернете пародии на страшные истории как крипипасту, поскольку так они мыслятся самими потребителями данного контента. Объясняется это факторами постоянного соседства на одних и тех же ресурсах смешных и страшных историй и слиянием в сетевом фольклоре «взрослой» и «детской» традиций страшного повествования.

Если присмотреться повнимательнее ко всему многообразию жанров и форм «страшного» в Сети, становится очевидным, что наиболее

---

¹⁵ Лурье М.Л. Пародийная поэзия школьников // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998. С. 432; Лурье М. Л. Очерки современного детского фольклора // Экология культуры: Информ. Бюллетень. 2006. № 2 (39). С. 96.

¹⁶ Там же, С. 434; С. 97.

¹⁷ Тынянов Ю. Н. О пародии (1929 г.).

востребованными (судя по количеству представленных в Интернете потенциальных объектов для пародирования и по количеству пародий на них) являются пародии на жанры детского “страшного” повествовательного фольклора и жанр крипипасты.

В разделе 2.5.2 рассматривается наиболее популярная разновидность пародий на истории крипипасты – «“советская” крипипаста»; описываются основные объекты их иронии (определённые реалии советского и русского быта), приводятся примеры использования в качестве сырья и формальной оболочки для них различных типов страшных рассказов сетевого и несетевого происхождения – детских страшилок, “руководств” хранителей и крипипаст-саспенсов, анализируются используемые в них художественные приёмы создания комического эффекта.

В разделе 2.5.3 описываются представленные в Сети разновидности пародий на произведения детского “страшного” повествовательного фольклора, а также пародии на произведения в жанре крипипасты, использующие в качестве формы воплощения жанровые оболочки страшилок и антистрашилок.

Таким образом, произведения детского “страшного” повествовательного фольклора оказываются не только объектом пародийного переосмысления, что свидетельствует об их закреплённости в традиции и жанровой оформленности, но также являются и одной из распространённых среди пользователей Рунета форм для создания новых крипипаст, а также всевозможных пародий, иронизирующих над клишированными приёмами нагнетания страха в произведениях других жанров. В свою очередь, это свидетельствует и об интересе непосредственно к самим детским страшным историям, причём не только со стороны взрослых, по большей части являющихся носителями ещё устной традиции детского “страшного” повествовательного фольклора, но и со стороны более поздних поколений, собирающих, пишуших и распространяющих посредством личных блогов как оригинальные истории (услышанные ими от сверстников или родителей, а также сочинённые самостоятельно), так и пародии на них.

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работы и намечаются перспективные направления дальнейших исследований современного детского “страшного” фольклора, объединяющего произведения двух функциональных типов: мифоритуальные формы для проживания и преодоления страха и художественные формы для эстетического наслаждения остранным и поэтически канонизированным страхом.

В ходе проведенного диссертационного исследования были критически пересмотрены сложившиеся за последние десятилетия научные подходы к описанию детского “страшного” повествовательного фольклора, заново систематизированы его жанровые рубрики, предложена модель указателя сюжетов и персонажей. В контрастивном сопоставлении с устной традицией “страшных” нарративов последовательно описаны жанры сетевого “страшного” фольклора и смежных форм массовой коммуникации, охарактеризован феномен «крипипасты» и подходы к его пониманию с исследовательской точки зрения и с позиций пользователей Сети, выявлены новаторские и традиционные свойства существующей и активно развивающейся в Интернете фольклорной традиции.

Основные положения диссертационной работы отражены в статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ им. М.В. Ломоносова:

1. *Мирвода Т.А.* Детский страшный повествовательный фольклор: к вопросу о жанровом многообразии традиции // Вестник Томского государственного университета. 2018. №436. Ноябрь. С. 38–48. ИФ РИНЦ – 0,353. (WoS)
2. *Мирвода Т.А.* Детские страшные истории как объект и форма пародирования в фольклоре Рунета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. 2018. №4. С. 206–214. ИФ РИНЦ – 0,178.

3. *Мирвода Т.А.* Пародии на крипипасту как составляющая страшного сетевого фольклора // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Том 10. Выпуск 3. С. 138–148. ИФ РИНЦ – 0,248.
4. *Мирвода Т.А.* Детский «страшный» повествовательный фольклор: к проблеме разработки указателей. Модель указателя // Вестник РГГУ. Серия "История. Филология. Культурология. Востоковедение". 2018. №9 (42). С. 61–78. ИФ РИНЦ – 0,227.

Статьи в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК РФ:

5. *Мирвода Т.А.* Особенности бытования русских детских страшных историй в Интернете // Традиционная культура. 2018. Том 19. №2. С. 115–129. ИФ РИНЦ – 0,120.

Статьи в других научных изданиях:

6. *Мирвода Т.А.* Поэтика страшного в жанрах русского фольклора // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов 2016». Секция «Филология». Москва, МАКС Пресс. [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/section_30_8567.htm.
7. *Мирвода Т.А.* Феномен крипипасты в русском и польском интернет-пространстве // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 24 мая 2016 г. Москва, ИСл РАН. С. 38–39.
8. *Мирвода Т.А.* Поэтика страшного в жанрах сетевого фольклора // Stephanos. 2016. №4 (18). С. 199–206.
9. *Мирвода Т.А.* «Страшный» фольклор сети и феномен *крипипаста*: к вопросу о соотношении понятий // Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика. Конференция студентов и аспирантов. Санкт-

- Петербург, 23-25 марта 2017. Сборник тезисов. Санкт-Петербург, Европейский университет, факультет антропологии. С. 76–78.
10. *Мирвода Т.А.* Опыт психолингвистического эксперимента с использованием текстов современного детского фольклора // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов 2017». Секция «Филология». Москва, МАКС Пресс. [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/section_32_10620.htm.
11. *Мирвода Т.А.* Русские детские страшные истории в контексте мирового интернет-фольклора // Славянский мир: общность многообразия. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2017 г. Москва, ИСл РАН. С. 61–63.
12. *Мирвода Т.А.* Детские «магические вызывания» в интернете: особенности традиции // Фольклористика и культурная антропология сегодня: Материалы Всероссийской научной конференции молодых учёных. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2018. С. 48–49.
13. *Мирвода Т.А.* Детский современный фольклор как объект психолингвистического эксперимента // *Stephanos*. 2018. №1 (27). С. 110–124.
14. *Мирвода Т.А.* «Советская крипипаста» и другие пародии на страшные истории в сети Интернет // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов 2018». Секция «Филология». Москва, МАКС Пресс. [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2018/data/section_35_12887.htm.